

УДК 94(47).083
ББК 63.3

В.В. СИНИЧЕНКО

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ РОССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРАБАНДОЙ
ДРАГОЦЕННЫХ И РЕДКОЗЕМЕЛЬНЫХ МЕТАЛЛОВ
НА РУССКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В статье изучаются вопросы экспорта из России драгоценных металлов редкоземельных металлов в годы Первой мировой войны, выявляются условия, благоприятствовавшие хищению металлов. Делается вывод, что добыча металлов на участках и рудниках Дальнего Востока достигла в начале XX в. высокого уровня продуктивности, од-

нако начавшаяся война сломала устоявшиеся промышленные связи. Цинковая руда, свинец ранее направлявшиеся по сложившейся промышленной цепочки для дальнейшего обогащения и превращения в промышленный товар в Европу, не находили в условиях войны применения в России и перепродавались по демпинговым ценам в Японию. Это порождало коррупционные схемы вывоза металла. В золотопромышленности России на Дальнем Востоке также начались проблемы, связанные с тотальным использованием китайского и корейского труда при проведении промысловых работ. Помимо негативного влияния на отрасль, так как дешевый «желтый труд» лишил золотопромышленников стимула обновлять технику на приисках, это вызвало массовое хищение золота и последующую его контрабанду в Китай.

Ключевые слова: Дальний Восток, золото, руда, цинк, горная стража, полиция, таможенный участок, контрабанда.

V. V. SINICHENKO

ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF RUSSIA FOR FIGHT AGAINST SMUGGLING OF PRECIOUS AND RARE-EARTH METALS IN THE RUSSIAN FAR EAST IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR

In article questions of export from Russia of precious metals of rare-earth metals in the years of World War I are studied, the conditions favoring to plunders of metals come to light. The conclusion is drawn that extraction of metals on sites and mines of the Far East has reached at the beginning of the 20th century of high level of efficiency, however the begun war has broken the settled industrial communications. The zinc ore, lead which were earlier going on developed an industrial chain for further enrichment and transformation into industrial goods into Europe without finding applications in Russia also were resold at the dumping prices to Japan. It generated corruption schemes of export of metal. In gold mining of Russia in the Far East the problems connected with total use of the Chinese and Korean work when carrying out trade works have also begun. Besides negative impact on branch as cheap «yellow work» deprived of gold industry entrepreneurs of an incentive to update the equipment on the mines, it has caused mass plunder of gold and the subsequent his smuggling to China.

Keywords: Far East, gold, ore, zinc, mountain guards, police, customs site, smuggling.

К началу Первой мировой войны оборудование дальневосточных рудников в добывающей промышленности края было в основном завершено. Была построена и оснащена серебросвинцовая обогатительная фабрика системы «Гумбольд» производительностью до 80 т сырой руды.

Вместе с тем общество в предвоенный период не смогло организовать выплавку свинца и цинка в России. Цинковая руда после небольшого обогащения сбывалась за границей (вывозилась в Антверпен) [2, с. 123].

Начавшаяся война стимулировала развитие цветной металлургии России. Отрасли, производящие боеприпасы, предъявляли повышенный спрос на свинец, цинк, медь и другие металлы. Однако отечественная промышленность не могла его удовлетворить, о чем свидетельствуют данные таблицы [1, с.140].

Конъюнктура на цветные металлы в России в 1916 г., тыс. пудов

Металл	Производство в России	Заказано за границей	Потребность в металле	Недостаток металла
Медь	1 800	600	5 000	2 600
Свинец	30	600	3 600	2 970
Цинк	133	12	2 000	1 855

Из таблицы видно, что за счет собственного производства России потребность в меди удовлетворялась на 36 %, в свинце — 0,83 %, и в цинке — на 6,65 %. Дело в том, что в довоенный период на русском Дальнем Востоке было введено в эксплуатацию лишь горнорудное производство, в то время как мощности по верхнему переделу, т.е. выплавке полиметаллов, а также производство из них готовой продукции созданы не были. Производство было ориентировано на экспорт продукции в Германию, но уже в первые месяцы войны продажа рудных концентратов в эту страну была запрещена. Для продолжения эксплуатации «Тетюхэ» необходимо было организовать плавильное производство (на это требовался 1 млн р.) или найти заводы по переработке концентрата у союзников.

Пока решался вопрос о производстве свинца, цинка в России, второй вариант был единственным, благодаря которому могла развиваться полиметаллическая промышленность Дальнего Востока. Главным импортером продукции «Тетюхе» в этот период стали японские фирмы. В 1915 г. временное управление заключило контракт с фирмой «Суцзукэ» из Кобе о продаже ей 2 тыс. т свинцовых концентратов [2, с. 128].

В следующем году обществом «Тетюхе» было продано в Японию 337 900 пудов свинцовых концентратов и 297 724 пудов обожженного галмея на общую сумму 1674,8 тыс. р. Встречными поставками из страны Восходящего солнца в этом же году было возвращено 12 400 пудов металлического свинца [2, с. 151].

Начальник Владивостокского таможенного участка в ноябре 1916 г. в письме в Департамент таможенных сборов возбудил дело «О пропуске товаров по особым разрешениям». В материалах дела говорилось, что особому правлению по делам акционерного горнопромышленного общества «Тетюхэ» МФ под гарантийное письмо на сумму в 350 тыс. иен от «Сибирского торгового банка» 18 июля 1916 г. разрешен вывоз 2 тыс. т

свинцовых концентратов для обогащения в Японию при условии возврата обогащенного свинца в трехмесячный срок, начиная с 17 октября 1916 г.

Обогащенный свинец должен был составить по весу половину выплавленного свинца, что равнозначно 520 т металлического свинца с одной тысячи тонн свинцовых концентратов [3, ф. 410, оп. 1, д. 190, л. 110].

По донесению Таможенной заставы в бухте Тютюхэ означенным обществом было вывезено 17 октября 1916 г. на японском пароходе «Фукуио-Мару» 1950 т свинцовых концентратов [3, ф. 410, оп. 1, д. 190, л. 111].

Акционерное общество «Тютюхэ» 23 декабря 1916 г. уведомляет таможенное управление, что обществом получено новое разрешение на вывоз в Японию для фирмы «Сузуки и К» в Кобе 3200 т свинцовой руды. Отмечалось, что пароходом «Олег» Добровольного флота России будет перевезено 1500 т, а остальные будут переправлены в Японию на японских пароходах [3, ф. 410, оп. 1, д. 190, л. 153].

В 1917 г. таможенные учреждения отмечали, что из Японии во Владивосток была привезена 201 т обогащенного свинца на судне «Ваканоура-Мару»; «Татегами-Мару» — 238 т; «Нижний Новгород» — 638 т. Таким образом, Россия получила 877 т вместо положенных ей 3400 [3, ф. 410, оп. 1, д. 190, л. 158].

В 1917 г. поставки серебросвинцового концентрата с русского Дальнего Востока значительно выросли и составили около 11 тыс. т [2, с. 153]. При этом Россия на возврат получила 595 тонн, что менее чем в 1916 г. Для таможни такой дисбаланс в официальных документах объяснялся колебаниями спроса на внешнем рынке. Однако оперативными службами Министерства финансов России велось следствие по этому вопросу, которое только в результате распада государственности не привело к определенным результатам [1, с. 110–113].

Отметим только, что по подсчетам исследователя М.Н. Орлова, из добытой в Тетюхе руды можно было выплавить от 2,61 до 3,41 млн пудов цинка, 1,58–1,98 млн пудов свинца и 3 тыс. пудов серебра [2, с. 155].

Этим количеством полиметаллов в значительной степени можно было бы удовлетворить потребности армии и тыла. Но власти оказались не способны решить вопрос о создании полиметаллического комплекса на Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны и экспортировали руду в Японию.

Такие же негативные тенденции, происходили в золотодобывающей промышленности региона. В годы Первой мировой войны свертывались работы по техническому перевооружению, возрос приток дешевых азиатских рабочих на прииски, в связи, с чем стали шириться хищение драгоценных металлов корейскими и китайскими рабочими.

Так военный губернатор Амурской области в циркулярном письме от 2 апреля 1915 г. за № 924 чинам полиции Амурской области предложил в исполнение императорского указа от 15 ноября 1914 г. опублико-

кованного в № 316 «Собрания узаконений и распоряжений Правительства» установить самое тщательное наблюдение за вывозкой золота за границу и вообще за его пересылкой и перевозкой, а «... виновных в нарушении правил по означенному предмету немедленно привлекать к законной ответственности, донося об этом мне». Особенно, по мнению военного губернатора, полиции нужно было наблюдать за китайцами и евреями, пересекающими русско-китайскую границу [4, ф. 1304, оп. 3, д. 17, л. 13, 249].

Действительно указом царя от 15 ноября 1914 г. вводилось судебное преследование за контрабанду золотых изделий на сумму свыше 500 р. Впоследствии, чтобы активизировать борьбу с контрабандой золота, министр финансов России 25 февраля 1916 г. разрешил выдавать из средств казны, применительно к ст. 1168 Уст. Там., денежные награды за задержание золота в размере 5 % стоимости конфискованного золота, не свыше в каждом отдельном случае 750 р. [4, ф. 1304, оп. 3, д. 17, л. 52].

Как свидетельствует переписка Хабаровского таможенного инспектора и Благовещенского окружного суда, многие китайцы в 1915 г. задержанные с золотом на границе, пытались доказать с помощью адвокатов, что они не нарушали указ от 15 ноября 1914 г. на том основании, что по расчету различных золотосплавочных лабораторий проводивших досудебную экспертизу у обвиняемых было изъято золото на сумму менее 500 р.

Тогда министр финансов России в виду чрезвычайных обстоятельств 1 июня 1915 г. воспретил вывоз золота за границу на любую сумму. С 28 июня после опубликования это распоряжение вступило в законную силу.

С этого времени контрабандистов золотых изделий осуждали по п. 2 ст. 1045 и ст. 1065 Устава Таможенного, взыскивая с них, сверх конфискации золота, двойную его стоимость.

Однако несмотря на ужесточение законодательства контрабанда росла. Как отмечали современники, контрабандным бизнесом китайцам помогали заниматься чины горной полицейской стражи.

Так, надзиратель Раддевского таможенного поста сообщал его Превосходительству Инспектору Хабаровского таможенного участка: «пост на хуторе Пашково встречает противодействие горной полиции, которая беспрепятственно пропускает на прииск безбилетных китайцев. Так по наведенным мной справкам оказалось, что в летнее время работало там до 1 тыс. китайцев, а в этом году в январе месяце безбилетных было 90 человек, которые при моем приезде были выдворены с прииска горным урядником Линцем, а в настоящее время снова работают. В виду того, что горный исправник есаул Толстокулаков на приисках бывает раз в год и на безбилетных китайцев не обращает внимание, то этим пользуется горный урядник Линц, что и видно из представляемых трех прошений китайских подданных: Сун Хои, Сун Юусю, Сун Чянсю.

Вследствие злоупотреблений горной полиции казна теряет каждый год десятки тысяч рублей на выборке билетов, да, кроме того, масса золота уходит за границу. В настоящее же время, ввиду осложнений с Китаем, произвол горной полиции может довести до того, что на русской стороне образуются хунхузские шайки, которые сами по себе будут представлять внушительную воинскую силу на случай военных действий, а в мирное время будут угрожать населению» [3, ф. 410, оп. 2, д. 37, л. 109].

Отметим, что контрабанда золота и драгоценных металлов носила годы войны организованный характер.

Так, из агентурных сведений в розыскной пункт Хабаровска в январе 1916 г. поступили сведения о старшине Хабаровской китайской колонии Сунь Чзоде, который являлся организатором скупки и отправки золота за границу в Шанхай. В Благовещенске такой же конторой заведовал китаец Лю Бочинь, в Николаевске — Кун Шеньси.

В Хабаровске контора «Тасункай» размещалась на Поповской улице, дом № 40, и заведовал ею китаец Юй Кинле. Перевозчиком товара из Хабаровска во Владивосток был Юй Шеенси. Владивостокскую контору возглавлял двоюродный брат Сунь Чзоде — китаец Ван Инлин. В Шанхай золото небольшими партиями по несколько фунтов доставлялось родному брату Ван Инлина.

Конторы «Тасункай» обыкновенно состояли из одной комнаты, в которой имелся прилавок и книги: копировальная для писем (одновременно, посылая китайца с золотом, почтой направлялось письмо для контроля) и книга для записи прихода-расхода. В конторе золото не задерживалось, а сразу пересылалось по назначению. Вся деятельность была организована по отработанной схеме, точно и безотказно, поэтому трудно было уличить китайцев. Так, в фирме «Тасункай» русской полицией неоднократно проводился обыск, который ни к чему не приводил. Владелец фирмы «Тасункай» Сунь Цзоде хвалился перед соотечественниками, что он крестный сын полицмейстера Баринава и очень близок к полиции. Кроме того, преступная деятельность Сунь Цзоде состояла в сборе взяток за выдачу русских паспортов приезжающим в Хабаровск китайцам. Того, кто отказывался платить взятку, Сунь Цзоде представлял полицмейстеру как «порочного китайца» и его высылали обратно на родину без промедления. Взятки собирались с игорных китайских притонов, опиекурилен и домов терпимости. В случае отказа Сунь Цзоде указывал на тот дом полиции, последняя производила облавы и китайцев сажали в тюрьму.

Противодействовали контрабанде золота, в основном, таможенники.

Переписка с таможенными постами о вывозе золота за границу, свидетельствует, что китайские чиновники часто выдавали китайским предпринимателям удостоверение, что золото добыто ими в Маньчжурии и только транспортируется через территорию России.

Так в переводе ноты протеста от 5 августа 1915 г. Айгуньского дипломатического чиновника МИД Китайской республики за № 175 говорилось следующее: «...Отношением своим, за № 170, от 27 июля 1915 г. я просил Почтенного комиссара сделать по телеграфу распоряжение таможенной заставе о скорейшем возвращении золота и освобождении китайских подданных, задержанных, как это заявила китайская фирма «Тунь Нундэ» в устье реки Сунгари, отправленного из Хахэ-Сахальяна в Харбин. Русская пограничная застава в Сунгари при задержании золота потребовала уплаты русскими деньгами 500 р. за слиток, в противном случае хотела отправить в Хабаровск. Тем не менее самовольно было взято один слиток золота на сумму 1568 р., вместе с бывшими при служащем русскими наличными деньгами 158 р., всего же взято на сумму 1726 р. После чего было возвращено золото и освобождены люди, но в принятых деньгах не было выдано квитанции». В связи с изложенным китайская сторона просила золото возвратить [4, ф.1304, оп. 3, д. 17, л. 230].

14 августа 1915 г. российские чиновники на Дальнем Востоке открыли дело «О конфискации привозимого китайцами, пассажирами заграничных пароходов золота, в том случае, если у них на руках не будет документов о месте вывоза золота засвидетельствованного русским консулом».

Как видно из материалов дела, китайцы объясняли, что везут на заграничных пароходах золото добываемое на правом берегу Амура в Сахальяне в слитках по несколько пудов за один раз, имея при себе лишь ордер на погрузку с отметкой таможи в Сахальяне на английском языке и иногда открытый лист на китайском языке с отметкой той же таможи. Что касается документов о месте вывоза золота, удостоверенных российским консулом, то таких документов китайцы не имели, иногда лишь предоставляли открытые листы, выдаваемые им российским вице-консулом в Айгуне, указывающие что предьявитель его отправляется из Сахальяна в Харбин по торговым делам и что лист этот действителен три месяца.

Исполняя распоряжение Приамурского генерал-губернатора от 17 августа 1915 г. об освобождении золота если нет твердых юридических оснований для его задержания, 7 сентября 1915 г. таможня доложила, что «...задержанное Сунгарийской таможенной брандвахтой 6 июля сего года у китайского подданного Суня Нюня при вывозе в Китай на пароходе «Кондратенко» золото в количестве 10 фунтов 1 золотник нетто по оценке 5125 р. постановлением Хабаровской таможи состоявшимся 20 августа определено возвратить по принадлежности владельцу, так как выяснилось, что задержанное золото провозилось не из пределов России, а из одного китайского пункта в другой». Отмечалось, что Сунь Нюнь может получить золото и деньги в Хабаровской таможе самостоятельно или через доверенное лицо. Подчеркивалось, что задержание означенного золота было законным и произведено ввиду того, что у китайского подданного не было на руках документа

доказывающего факт провоза золота из одного пункта Китая в другой [4, ф. 1304, оп. 3, д. 17, л. 237].

Однако китайцы везли золото не только морским, но и железнодорожным транспортом.

Так, в октябре 1915 г. на станции Маньчжурия Забайкальской железной дороги при таможенном досмотре пассажиров поезда, следовавшего из России за границу, у китайского подданного Зунь Тяньлиня были найдены скрытые в одежде русские кредитные билеты в сумме 2 тыс. р., а в обуви — слиток золота весом 18,5 золотников. Китайцев арестовали и отправили в полицейский участок, а затем в тюрьму. Драгоценности были конфискованы.

В апреле 1916 г. китайское министерство иностранных дел возбудило перед Императорской миссией вопрос о судьбе китайцев и конфискованных таможенными властями у них ценностей и драгоценных вещей.

Управляющий Маньчжурской таможней в своем послании чиновнику по дипломатической части при Иркутском генерал-губернаторе разъяснил, что такая участь постигает всех виновных, которые пытаются нелегально провезти ценности и деньги через границу. Что касается китайских подданных, везущих деньги и золото легальным путем с декларацией на таможне, то таких китайцев никогда не задерживали [1, с. 114–115].

Тем не менее, хищение золота происходило повсеместно. Объяснялось это трудным экономическим положением жителей России в годы войны. Курс российского рубля упал вдвое по отношению к фунту стерлингов уже к 1916 г. Такой же курс китайцы принудительно хотели ввести и в приграничных городах. Продажа золота и серебра стала очень выгодна за границей. Так, в Забайкальской области на границе китайцы, жившие в Маймачене, скупали шлиховое золото, которое поступало с ближайших монгольских приисков. 10,25 г золотника стоил 1 р. Не ограничиваясь золотом, они приобретали и серебряные рубли, давая за серебряную рублевую монету 1 р. 20 к. В результате уже в 1915 г. официальная добыча золота на Дальнем Востоке России уменьшилась на 25 % при том, что объемы проданного в Китай металла увеличились на 26 %. Таким образом, социально-экономические интересы приграничных групп населения и предпринимательских кругов на Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны вступили в противоречия с фискальными интересами российского государства. Результатом чего стал рост контрабанды золота из России в Китай.

Окончательно режим охраны границы рухнул после Октябрьского переворота 1917 г. Как свидетельствует отчет Гродековского таможенного поста от 1 февраля 1918 г. за № 121, солдаты совершенно не подпускали к себе досмотрщиков таможенного поста, вследствие чего вся контрабанда, вместо ранее тайного переноса через границу руками китайцев и корейцев, сосредоточилась в руках россиян на железной дороге.

Вагоны следовали через станцию Гродеково, доверху загруженные контрабандой. Станционные агенты ст. Гродеково и милиция были терроризированы солдатами. Во главе контрабандистов стояли ротные солдатские комитеты, что препятствовало влиянию на контрабандистов. Поезда, завозившие контрабанду в Россию, охранялись отрядом в 60–80 солдат с оружием, которые, видя досмотрщиков и милицию «ухали и матерились при проезде» [3, оп.1, д. 194, л. 346–347].

Таким образом, отсутствие у властей Российской империи, а с 1 сентября 1917 г. республики, административного таланта по организации и правильной эксплуатации месторождений драгоценных и редкоземельных металлов, привели не только к тому, что в годы Первой мировой войны российские богатства по незначительной цене официально продавались союзникам в войне, но и к тому, что как допущенные на прииски иностранные рабочие, так и чины полиции стали заниматься контрабандой указанных металлов из России в Китай. По мере сил таможенные инспектора старались противостоять на Дальнем Востоке контрабанде драгоценных металлов, но революционные события 1917 г. разрушили и эту преграду для контрабандистов в число которых вступили целые армейские подразделения бывшей императорской Российской армии.

Список использованной литературы и источников

1. Карнович С. А. Экономические задачи в деятельности пограничных служб Российской империи на Дальнем Востоке / С. А. Карнович, В. В. Синиченко. — Иркутск : Изд-во ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2015. — 140 с.
2. Орлов М. Н. Развитие цветной металлургии Восточной Сибири и Дальнего Востока в начале XX в. / М. Н. Орлов // Промышленное развитие Сибири в XIX — начале XX вв. — Иркутск : Изд-во ИГПИ, 1989. — С. 123–159.
3. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). — Ф. 410. — Оп. 1. — Д. 190; 194; Оп. 2. — Д. 37.
4. РГИА ДВ. — Ф. 1304. — Оп. 3. — Д. 17.

Информация об авторе

Синиченко Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин, Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Владивостокский филиал), 690087, г. Владивосток, ул. Котельникова, 21, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru.

Author

Vladimir V. Sinichenko — Doctor of History, Professor, Chief of Department State and Civil Law Disciplines, Far East Legal Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Vladivostok branch), 21, Kotelnikov St., Vladivostok, 690087, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru.